

Анатолий ГРЕШИЛОВ

Железногорск

Анатолий Васильевич Грешилов родился в Белгороде. Работает в проектном институте. Заслуженный архитектор России. Автор двух сборников стихов и прозы. Стихи и рассказы публиковались в «Новом Енисейском литературном журнале», в журналах «День и ночь» (Красноярск), «Гостиный Двор» (Оренбург), «Стрежень» (Тольятти), в антологиях одного стихотворения, «Енисейская новелла», в сборнике красноярских писателей «Послание во Вселенную».

ОСТРОВ СИРИНГАРИЙ

Напротив дома, через дорогу, новая двухэтажная школа. Перед главным входом — зелёный дворик с кованой оградой и белыми изваяниями. На крыльце дома и в комнате с открытым окном хорошо слышен школьный звонок. Чтобы не толкаться в гардеробе, зимой можно ходить в школу без пальто и шапки. Незыблемые чёрно-коричневые парты с лунками для чернильниц и навечно прилепившимися газетами, подложенными на пахучую и никогда не успевающую высохнуть к первому сентября масляную краску. Школа была с производственным обучением. Мы получали с аттестатом и рабочую профессию — слесарь-сантехник второго разряда. В старших классах на месяц освобождались от занятий и работали на заводе и на стройке. В цеху собирали чугунные радиаторы с разным количеством секций, часто до неподъёмных. На станке они стягивались муфтами с прокладками. Готовый радиатор снимали вдвоём и ставили на опрессовку. Часто из-под муфт бил фонтан. Батарея возвращалась на горизонтальную металлическую «столешницу», и процесс затягивания и опрессовки помеченных мелом муфт повторялся. Гнули трубы на трубогибочном станке. Работая в бригаде жестянщиков, делали совки для выгребания печной золы и выпуклые звёзды для могильных пирамидок. На стройке зимой подолгу грелись в вагончике с печкой на дровах.

Однажды разносил металлические трубы и радиаторы по этажам строящейся хрущёвки. Утомившись, прилёг тут же на стопку каких-то щитов, рассматривая хитрый деревянный каркас перегородки санузла, заполненный в полкирпича. В соседних помещениях слышались голоса, в дверном проёме возник одетый в длинное модное пальто с испачканными извёсткой прямыми плечами (генерал с аксельбантами — подумалось) молодой человек, с лицом иностранного злодея из тогдашних фильмов и потому совершенно не похожий на привычных здесь рабочих в спецовках, бригадира и прораба в фуфайке. Казалось, совершенно случайно забрёл он сюда, а доброхот-прораб выводит отставшего экскурсанта из этого лабиринта. Но «потерявшийся турист» с неожиданно громким нездешним матом согнал меня с лежанки. Оказалось, что это двери и что из-за таких м... они выгибаются и не закрываются, на что постоянно жалуются все жильцы. Потом без пауз стал укорять в чём-то прораба, раскачивая каркасную перегородку и рисуя что-то мелом прямо на «погубленной» мною двери. Таким было первое общение с «живым» архитектором на авторском надзоре.

Кажется, ещё вчера густые ветки почти не мешали проходу к одноногую деревянному столику с двумя лавками по бокам, также вкопанным в землю. А сегодня, весной выпускного лета, моё заветное место уединения — в плотных объятиях буйно разросшихся «прямо на глазах» кустов сирени. Белые и розовые метёлки, соревнуясь, какой цвет дотянется первым до нежных соцветий белого налива, образуют подобия сводчатых порталов на поворотах дорожки, пересекающей весь обширный двор от ворот с калиткой и недавно достроенного дома до выгребной ямы. Эти изумрудные «гроты» представлялись мне моим островком, именуемым Сиригарий, а двор в просветах листвы — «чужеземной цивилизацией». Такие «островки» из детства, наверное, помнит каждый.

— Лоцман, — позвал из зарослей старший брат, угощавший незнакомца, едва видимого в глубине. — Принеси свои рисунки... только не все.

Смахивая четырёхлепестковые цветки сирени с акварелей и листов карандашной графики, гость, похожий на киношного иностранного злодея, сжевал «на счастье» редкий пятилепестковый (в этот год попадавшийся чаще) и рекомендовал вместо политехнического или «художки», без сомнений и вариантов, подавать документы в строительный институт на архитектурный факультет.

Ранее, ещё зимой, директор школы позвал к себе и познакомил с военным, предложившим поступать в высшее авиационное училище лётчиков-истребителей. Прошёл все три или четыре медкомиссии, на собеседовании с начальником училища устно решил его простую задачу на знание правила про катет, лежащий против угла в тридцать градусов. Почему-то не раньше, а перед экзаменами у председателя финальной медкомиссии вызвал сомнение излишний для истребителя рост, рекомендовал в вертолётчики. Отказался.

В пору школьной юности жили в старом, а рядом строили новый дом. Большущий двор вмещал стройплощадку с кучами и штабелями стройматериалов и огород с грядками, яблонями и сиренью. В охотку, но не всегда, познал на практике технологию всех строительных процессов — от фундаментов до окраски суриком металлической кровли, наименования и возможности разнообразных инструментов. Более не довелось мне встретиться с тем незабываемым незнакомцем, для мимолётной встречи высадившимся на «сиреневом острове» нашей усадьбы в частном секторе города Белгорода, чтобы указать мне дорогу в благословенном выпускном году.

Вступительных экзаменов было пять или шесть. Из них два первых — профильные. Два академических рисунка. Голова мужественного итальянского кондотьера и правителя Падуи по прозвищу Гаттамелата («хитрая кошка») и ассиметричный растительный орнамент. Днём просто

пекло, вечером ещё и духота в комнате с пятью железными койками и распахнутым окном общежития строительного института на улице Артёма, сорок восемь «Б». Раздевшись до сатиновых трусов, абитуриенты скромно поужинали с большой бутылкой крепкого вина. После плясок на подоконнике для девчонок из университетского общежития напротив сдавшему свой первый экзамен будущему инженеру-конструктору Бойко захотелось спеть под гитару для той же аудитории. Предложил вместе шустро сбегать к родственникам за гитарой. Долго рыскали мы по незнакомым улицам и тёмным переулкам в поисках дома, который он хорошо помнил, но только зрительно и днём. Вернулись поздно ночью.

Утром, отправляясь на первый экзамен, я почему-то полагал, что там выдадут всё необходимое: карандаши, резинки, точилки и прочее. Перед закрытой аудиторией уже томилась весьма внушительная толпа таких же претендентов. Двери открылись, и все вдруг ринулись внутрь, хватая на бегу мольберты с опечатанными листами ватмана, откровенно толкаясь и стараясь первыми занять определённое место ближе к профилю модели. Дивясь такой неожиданной суете, я оказался позади. Там было посвободнее. Выбрал, как казалось, солидный классический ракурс. В три четверти. На удивление, карандашей и прочее никто не предлагал. Пришлось просить у сидящего впереди, удивившись снова, но теперь уже тому, что он лицом почти близнец гипсового Гаттамелаты, которого предстояло рисовать. Карандаш был ощутимо мягким, не для гипса.

Тишина. Пожилой преподаватель изредка выглядывает из-за своего мольберта, тоже рисуя чем-то похожим на сангину. Второй, молодой, бродит неслышно сторонкой, хищно взирая на сбившихся в стадо соискателей.

— Когда портной шьёт костюм, он сначала снимает мерки, кроит, примеряет и лишь затем пришивает пуговицы, — услышал в полной тишине у себя за спиной. — А вот вы сначала пришили пуговицу и потом от неё начинаете кроить.

Видимо, заметив, как и без того сутулая спина безмолвно поникла, приободрил, будто спохватившись:

— Ну, ничего, ничего. Продолжайте. Можно и так, есть и такой метод, правда, подвластный только подлинным отдельным мастерам. Рисуйте, рисуйте.

Кто-то хихикнул. За окном неожиданно и шумно пошёл дождь, переключая внимание на себя. Какая-то девчонка (Ленка Бутенко) громко оповестила, что такой дождь — к счастью!

Вечный студент из Анголы, негр Антонио, кутаясь в халат, стоял у окна, посасывая трубку с «Золотым руном» и загораживая вид на облака над соседним университетским общежитием:

— У меня насмóрк. Тóлика, выпьем?

— Почему нет?

Сосед по комнате, вернувшийся с тренировки копьёметателей, втиснул спортивную сумку в шкаф и повалился на застонавшую кровать:

— Я про конкурс на идею оформления вокзальной станции метро. Будем кумекать?

Студенты привычно закумекали об особенностях подобных пространств, о пещерах, кротовых норах, транспортных артериях, о подземных чудесах и женщинах.

— Почему нет? Основное — это решение освещения. Первое, что приходит, — всегда это яркий светлый белый потолок, плафоны и эти, как их... кессоны. А если чёрный, конечно, без видимости фактуры поверхности, — создаст ощущение какого-то безграничного воздуха над головой, типа ночное небо, только хлеще. При условии, чтоб ни один лучик туда не попадал, естественно.

За несколько дней до окончания срока приёма конкурсных материалов два старшекурсника принесли два упакованных подрамника в Дом архитектора и сдали коменданту под шифром из двух цифр: четыре — два. Это был футбольный счёт в недавней игре знаменитой команды. Дипломы за этот первый конкурс ныне хранятся в «портфолио» обоих.

Чиновник, приглашённый на технический совет проектного института, по обыкновению восседавший на крайнем кресле первого ряда, аккуратно под свежей композицией из букв на стене актового зала, выложенных из множества старых фотографий и образующих слова «А помнишь?», прервал реплику председательствующего после его слов «Я вот чего боюсь...»:

— Иван Фёдорович, объясните мне, человеку с высшим образованием: откуда такой современный формализм? Мы же уже встречались с генпланом и, кажется, договаривались. Три дома одинаковые, у первого пристроенный нейтральный прямоугольник к торцу. Проверено, опробовано, без излишеств.

— Кхм-м, — донёсся из зала голос Алексея Борисовича. — Ну, стоят три одинаковых мужика, и один из них в шляпе! И что?!

— Я вот чего боюсь: как у нас со сроками? — председательствующий на техсовете Иван Фёдорович поискал глазами кого-то в зале. — По предложению заказчика, прошу автора подробнее об истоках формообразования. И будем принимать решение.

Молодой человек, маячивший на поскрипывающей сцене, ткнул указкой в крайний планшет:

— У этого жилого дома три несущие продольные кирпичные стены. И для органического формообразования пристроенного объёма главных основных помещений предусмотрено их продолжение следующим образом. Две продолжают за габариты секции, это дворовая и внутренняя. Раздвигаясь, они образуют объём, в который вписаны главные помещения с церемониальным залом, банкетным залом, а также вестибюль, фойе и комнаты жениха и невесты. Предусмотрено увеличение высоты ритуального зала с наивысшей точкой над этим сакральным местом. Будут здесь стоять стол и женщина, ведущая церемонию бракосочетания-венчания. Условно говоря, это как бы алтарь, а столешница — это, как его? Да, да, престол! Ну а третья фасадная стена, она завёрнута внутрь, образуя нишу

вспомогательного входа в административные помещения. Они предусмотрены здесь, в первом этаже жилой части. И ещё: а на торце — салон для новобрачных. Позвольте тогда заодно и о фасадах. Высокая наклонная крыша просматривается хорошо, как полноценный элемент фасада. Поэтому предусмотрена активная пластика из рельефных алюминиевых кровельных лемехов. Можно их назвать и черепицей, и чешуёй. Рисунок ромбиком получается естественно, из линий, параллельных двум наружным стенам.

Большинством голосов моё альтернативное предложение было принято техническим советом института к дальнейшей рабочей разработке.

Согласование эскизов, уставленных на подоконнике, с эксплуатацией, а именно с благообразной и очень старенькой, как мне показалось, директрисой, проходило в комнатёнке на первом этаже жилого дома на улице Ленина, рядом с кинотеатром «Спартак», где размещался тогдашний загс. Умиротворённая атмосфера, утончённые манеры и природный аристократизм собеседницы располагали к соблюдению этикета, так и подталкивали заговорить по-французски, не почёсывать затылок и слезть с подоконника. Все замечания и предложения служителей святого дела, без корректировок и условий, впоследствии были учтены в построенном здании. Пройдут годы, и появятся неожиданные жалобы на подростков, влезających летом на крышу по боковым наклонным стенам, чтобы посиживать, аки голуби, на алюминиевых ромбах скатной крыши, нагретых солнышком. Позднее по чертежам авторского надзора были устроены так называемые угловые акротерии, препятствующие доступу на крышу.

Уже велись работы по завершению нулевого цикла, цоколя, выкладывались первые ряды кирпичной кладки наружных стен с облицовкой силикатной плиткой. Был разработан детальный проект внутренней отделки парадных помещений с альбомом красивых цветных картинок фасадов и интерьеров этого здания для участия в конкурсе молодых проектировщиков института (занял первое

место), пришло долгожданное сообщение из Москвы об утверждении в Главном управлении капстроительства Минсредмаша рабочих чертежей жилого девятиэтажного дома с встроено-пристроенными помещениями Дворца бракосочетаний.

Ивану Фёдоровичу при посещении стройки не понравилось наличие лишнего одинокого окна в торгового зальчике салона. И справедливо. Он предложил, может, как-нибудь потом, закрыть мебелью. Мне подумалось: заложить бы его совсем, — но представлялось, что фактически это, конечно, невозможно при такой полной готовности. Поделится сомнениями с прорабом и был удивлён его реакцией, что это для него не вопрос, а оконную коробку отвезёт в сад. И сейчас на южном торце первого этажа можно с трудом, но разглядеть в облицовке силикатной плиткой едва заметный контур заложённого окна, по вертикали в створ с окном на втором этаже.

На этой площадке планировалось строительство общественного здания. Нарисовал эскизный проект трёхзального кинотеатра на месте, где сейчас магазин сантехоборудования и часть скверика. Проектируя этот объект, я про себя размышлял, что из всех сакральных действий и таинств, предшествовавших атеистическим временам развитого социализма, пожалуй, только ритуал бракосочетаний ещё сохраняет в себе отголоски традиций обряда венчания. Поэтому, для себя, считал сей объект неким отдалённым символом небольшой церквушки. Прошли годы, подобные ромбические кровельные лемеха-чешуйки появились на покрытиях главок и куполов моего собора.

Тогда жил на Восточной, в комнатке на подселении. Ходил на работу и обратно пешком и каждый день проходил мимо стройки. Командовал процессом возведения очень дотошный и знающий своё дело прораб Иван Чернов. Вообще, с прорабами мне везло на всех моих многочисленных объектах. Он действительно и реально изобретал вечный двигатель и верил в возможность его существования, вопреки выводу, принятому учёными. Показывая замасленную

схему, убеждал и меня. Что-то было в его слегка шепелявых рассуждениях, вселяющее уверенность в его правоте и побуждающее мечтать!

Впереди была эпоха перемен, много проектов и построек в разных городах края и России. Работая главным архитектором и начальником архитектурно-строительного отдела жилых и общественных зданий института ВНИПИЭТ, участвовал в проектировании всех жилых и общественных зданий, построенных в городе Железногорске в последние сорок лет, в основном это южный район города, Ленинградский проспект и все примыкающие к нему микрорайоны. Проектировал и строил авторские объекты: блокированная жилая застройка вдоль городского озера, детская библиотека, отделение Сбербанка, фасады СЮТ и концертно-танцевального зала, институт искусств имени Дмитрия Хворостовского, Дом молодёжи, Дом природы на берегу Днепра, культурно-исторический центр в Спасском мужском монастыре, объекты Всемирной универсиады, ТЮЗ, собор в Железногорске, часовни и храмы в Подгорном, Назарово, индивидуальные жилые здания различного типа и этажности. Полный перечень, без крайних, — в монографии. Но Дворец бракосочетаний, или просто загс, — из числа первенцев и почти ровесник того давнего нежданного дождя за окном аудитории живописи и рисунка.

Сегодня строю церковь Сергия Радонежского на правом берегу Енисея. С её смотрового мостка на противоположном берегу видна как на ладони столетняя церковь в селе Барабаново. Минует недолгое ускоряющееся время — и услышим пасхальную переключку их колоколов.